

Сказка о Шибарше

Был Шибарша, и пошел тот Шибарша с отцом в поле, и в поле отец его говорит тому Шибарше: «Вот это нам хорошо пашню пахать». И оный Шибарша сказал: «Нет, батюшка, — это место не угодно!» И нашли при дороге буерак, и Шибарша тому отцу своему говорит: «Вот, батюшка, хорошо здесь с дубиною стоять». И отец ему сказал: «Дурно, это нехорошо делать!» И по дороге вел мужик быка, и оный Шибарша тому отцу своему говорит: «Постой, батюшка, вот я у мужика быка-то украду!» И отец его ему говорит: «Где тебе этого быка украсть!» И оный Шибарша забежал вперед к мужику, и, скинув у себя с ноги сапог, бросил на дорогу. И мужик, нашед тот сапог, поднял его, и оный Шибарша за тем мужиком пошел стороною. И мужик, несчи тот сапог, бросил, и говорит: «Еще-де от этого сапога будет мне худо, — скажут, что будто я кого потерял!» И Шибарша, подняв тот сапог, побежал вперед, и, забежав, тот сапог бросил вперед; и мужик, нашед на тот сапог, поднял, и, подняв тот сапог и привязавши быка к дереву, возвратился поднять другого сапога, который он бросил, и того сапога не нашел, а быка у него Шибарша увел и, отцу приветчи, тому быку отрубил голову, и тое голову в болоте воткнул на кол, а мясо отцу велел варить; а сам пошел у мужика одёжу красть. И мужик, увидев бычачью голову, раздевся, пошел в болото; и Шибарша у него одёжу и сапоги украл, и, обувся, пошел к отцу, и, пришед, говорит тому отцу: «Дай мне, батюшка, кожу, я понесу в лес и высушу, легче будет домой нести». И, набрав в лесу лык, сделал себе кнут, и по бычачьей коже хлопал, и говорил: «Государь-царь, помилуй, не я крал, батюшка крал!» И отец его, услыша то и испужавши и покиня мясо, ушел домой и, пришедши домой, сказал жене своей, чтобы она сына его Шибаршу в дом к себе не пускала. И Шибарша пришел домой и стал в дом к себе проситься, и отец и мать его в дом к себе не пустили и говорили ему: «Поди в Москву, там имеется брат мой родной, Барма, а твой дядя, поди с ним вместе, воруй где хочешь».

И Шибарша в Москву пришел ночью и увидел дядю своего, и дядя ему возрадовался, и пошли к дяде в дом, и тот дядя тому племяннику своему говорил: «Племянник, чему ты горазд?»... И племянник сказал ему, что он ничему не горазд, и говорил ему: «А ты, дядя, чему горазд?» И оный дядя его говорил: «Я умею воровать». И оный же племянник его говорил ему: «Пошли же вместе воровать». И дядя же говорил: «Куды идти воровать?» И племянник говорил же: «Ты в Москве живешь, ты больше знаешь, а я в деревне живу, так в деревне и в селах больше знаю». И дядя ж говорил тому племяннику своему: «Пошли ж в казенную кладовую палату красть». И сделали себе сумы

большие, и, пришедши к палате, стену проломали, и казну покрали, и принесли домой, и стали делить на четыре кучи. И Шибарша дяде своему говорил: «Первая куча мне, другая — тетке, а третья тебе, четвертая — тому, кто тебя учил воровать». И Шибарша дяде своему говорил: «Я сам горазд воровать, не ты меня учил». И говорил ему: «Отдай мне последнюю кучу». И оный дядя его не дал. И в том пошли судиться к царю Ивану Васильевичу, и царь Иван Васильевич приказал последнюю кучу взять тому, кто воровал. И на другую ночь пошли ж в ту палату по-прежнему воровать, и Шибарша стал на карауле, а дядя его полез в палату и попал в котел и в том котле сварился в смоле; и Шибарша ждал дяди своего и не дождался, пошел в ту палату сам, и насыпал теж суммы казны, и стал дядю своего в котле искать и, нашед, у того дяди своего голову отрезал ножом, и принес домой, и отдал тетке, и говорил: «Вот тебе казна и мужа твоего, а моего дяди, голова, поминай его, сварился он в котле, и я, нашед его, голову ему отрезал».

И поутру того мертвого тело нашли в котле караульные солдаты и привезли царю Ивану Васильевичу, и царь Иван Васильевич приказал то мертвое тело возить по Москве, и кто по нем вздохнет или потужит, того хватать: тот-де вор. И Шибарша, увидя то, пришел к тетке и говорил ей: «Хочешь ли ты, тетка, по дяде плакать?» И она говорила: «Как же плакать; видишь — не велят плакать». И оный племянник ее говорит ей: «Налей кувшин молока, и понеси продавать, и поди против него, и как тебя станут от него отбивать, и ты кувшин-ат урони и заплачь, будто о кувшине-то, а сама говори им, пойду на вас суда просить: за что-де вы у меня разбили кувшин молока?» И оная тетка его то и сделала, и караульные напужались, и дали ей денег десять рублей, чтобы она не ходила на них суда просить; и мертвое тело привезли в Москву по-прежнему, и сказали царю Ивану Васильевичу, что по том мертвом никто не плакал и не тужил, только одна старуха несла встречу кувшин молока, и мы стали на нее кричать, чтобы она не ходила, и она кувшин молока разбила и заплакала, будто о молоке, и сама говорила: пойду на вас суда просить, и мы испужались, дали ей денег десять рублей. И царь Иван Васильевич приказал то мертвое тело возить по селам и по деревням и, ежели кто по нем станет плакать и тужить, и вы того хватайте; и они то мертвое тело возили, и никто по нему не тужил и не плакал. И Шибарша, спознав, на который двор им взъехать и ночевать, купил вина бочонок, взъехал на тот двор прежде их ночевать. И как они приехали с мертвым телом и говорят: что-де над ним [телом] часы стоять, или так не замать, и из них некоторые говорили, что стоять часы, а другие говорили: что куды-де мертвому уйтить? И Шибарша, услыша то, лежа на полатах, закричал: «Он-де вор был, он еще у меня лошадь уведет». И оные солдаты на него закричали, не твое-де дело, и Шибарша

уснул, и солдаты ж у того Шибарши осмотрели бочонок вина и то вино выпили, и все переуснули; и Шибарша, проснувши, лошадь свою в мертвое тело впряг, и, ворота растворя, тою лошадь с тем телом со двора спустил, а сам лег на полати по-прежнему, и караульные солдаты, проспавшись, хватились того мертвого тела, и говорили — мертвый-де мужик уехал и лошадь ту у мужика-то увел, и Шибарша проснулся и говорит: «И вот-де он вор был, вот-де я вам говорил, пойду-де на вас суда просить». И караульные солдаты испужались, и дали ему денег шесть рублей, чтобы он не ходил бить челом.

И Шибарша от них ушел, и нашед то мертвое тело, взял и привез в дом тетки своей и зарыл в яму на дворе, и, зарывши, говорил: «Ну, тетка, помяни моего дядю, теперь его схоронили». И караульные солдаты пришли в Москву и сказали царю Ивану Васильевичу, что мертвое тело потеряли, и царь Иван Васильевич приказал тем солдатам вора изыскивать, и велел козлу в рога втереть алмазные вещи, а того козла водить по Москве, и ежели кто на того козла поглядит или подивится, и того хватать, тот-де вор. И Шибарша, увидя того козла, нахватавши птиц, посадил в короб и повез против козла, и караульные ему кричали, чтобы ехать дал. И Шибарша говорит им: «Я-де сам к царю Ивану Васильевичу везу заморские птицы». И караульные ж, пришед к нему, говорили ему: «Покажи нам, какие заморские птицы». И он им не показал, и они, взявши у него короб, рубили, и из того короба птицы разлетелись, и он им закричал: «За что-де вы у меня птиц распустили». И они кинулись за теми птицами, и оный Шибарша того козла у них украл, и привел к тетке своей, и, убив его, велел того козла мясо той тетке сварить, и тем мясом до заутрень нищих накормить, и тетка его тех нищих и накормила. И одна-де старушка той Шибаршиной тетке говорила: «Что это — козлячье мясо?» И тетка сказала ей: «Козлячье». И старуха ж спросила у ней: «Нет ли-де у тебя рогов козлячьих». И Шибаршина тетка сказала, что есть, и те рога отдала той старухе, и та старуха с теми рогами ушла с двора, и Шибарша, проснувши, побежал, нагнал тое старуху и расшиб ее нарочно, и рога у нее отнял; и на другую ночь, взяв тое старуху и положив на плечо, и принес к палатам царя Ивана Васильевича и приморозил ее к снегу, и караульные солдаты, увидя тое старуху с рогами, донесли царю Ивану Васильевичу, что старуха-де рога принесла, и царь Иван Васильевич тое старуху и с рогами велел привести к себе, и караульные сказали ему, что она мертвая, и царь Иван Васильевич велел по кабакам поставить пива и вина, и казны довольно насыпать, и караулы поставить, и приказал: «Кто будет наклоняться или пристально глядеть, того и хватать».

И Шибарша под сапоги насолил смолы и пошел по кабакам, и тое казны к нему под сапоги много прилипало, а карульные, глядя на казну, говорили: «Кто-де такую казну берет, кажется-де, никто не наклоняется и рук не протягает, а казна пропадает». И Шибарша спился и пьяный лег спать, и караульные на сапогах у подошв те деньги осмотрели, и взял караульный сержант бритву, и обрил ему полголовы и полбороды; и Шибарша поутру проснулся, и выхватил бритву из кармана, и почал пьяных брить, также полголовы и полбороды, и как каруальные сержант и солдаты перепились, и им обрил полголовы и полбороды ж, и караульный сержант, проспався, пошел к царю Ивану Васильевичу объявлять, что он вора поймал, и царь Иван Васильевич спросил его: «Как-де ты вора поймал?» И он сказал ему: «Я-де ему обрил полголовы и полбороды». И царь Иван Васильевич говорил ему: «Ты-де сам вор, у тебя-де полголовы-то и полбороды обрито». И царь Иван Васильевич приказал такого обыскивать, и как стали обыскивать и таких обритых много сыскали, а вора не изыскали; и вечером царь Иван Васильевич пошел сам гулять, и встречу ему попался Шибарша, и окликал его: «Кто-де идет?» И царь Иван Васильевич сказал: «Я-де московский скосырь». И сам его окликал и Шибарша сказался: «Я-де деревенский Лабза». И Шибарша говорил: «Московский скосырь, куда идешь?» И царь Иван Васильевич сказал ему: «Гулять-де иду. А ты-де, деревенский Лабза, куда идешь?» И он сказал ему: «Я-де воровать иду». И царь Иван Васильевич спросил его: «Куды-де идешь воровать-то?» И он сказал ему: «Я-де в Москву иду». И московский скосырь деревенской Лабзе говорил: «Возьми-де с собою воровать-то». И деревенский Лабза говорил же: «Куды-де нам идти воровать-то?» И московский скосырь говорил же: «Пошли-де к царю Ивану Васильевичу воровать». И деревенский Лабза ударил его в щёку и говорил: «Не думай-де на нашего царя Ивана Васильевича лиха, он-де до нас милостив, поит нас, и кормит, и всех жалует, пошли-де к главному министру воровать».

И пошли вместе; и Шибарша, пришедши к главному министру на окошко, и слушал, и министр жене своей говорил: «Жена-де, сделай мне лютого зелья». И жена ж спросила его: «На что-де тебе?» И он сказал ей: «Утре-де ко мне государь будет кушать, я-де ему поднесу чарку лютого зелья, и он-де выпьет, и ему-де от этого смерть случится». И Шибарша, скоча с окна, московскому скосырю говорил: «Полно-де, брат, воровать». И пошли по домам, и московский же скосырь деревенскому Лабзе говорил: «Приди-де ты ко мне ко заутрене». И деревенский Лабза ко заутрене и пришел, и стали с московским скосырем вместе, и вышедший архиерей говорил: «Доселе-де царь Иван Васильевич воров выискивал, а нонче-де сам с ворами знаетса». И московский скосырь деревенскому говорил: «Надобно-де архиерею насмешку отсмеять». И

деревенский Лабза говорил же: «Можно-де отсмеять». И деревенский Лабза, дождавши ночи, надел на себя архиерейское платье, и взял суму болшу, и пошел к архиерею на двор; и, пришедчи на двор, под окошком стукался, и говорил: «Архиерей-де божий, выгляни». И архиерей и выглянул, и спросил его: «Кто-де тут есть?» И деревенский Лабза сказался: «Я-де ангел божий; велено-де тебя на небеса к богу взять». И архиерей говорил же: «Разве-де я умолил?» И Лабза говорил: «Умолил-де, архиерей божий!» И архиерей же говорил: «Как же-де ты меня повезешь на небо-то?» И Лабза говорил же: «Садись-де в эту суму-то». И как оный архиерей сел, и оный Лабза поднял его на плеча и понес на колокольню Ивана Великого, и архиерей спрашивал его: «Далеко ли-де, ангел божий, до неба?» И он сказал ему: «Недалеко». И взнес его на колокольню Ивана Великого, и с той колокольни в той суме пустил его по лестницам и сам говорил: «Крепись-де архиерей божий, первое тебе мытарство!» И как того архиерея по лестницам же на другую сторону перевернул, то говорил же: «Архиерей-де божий, крепись, второе мытарство!» И потом втретие то ж говорил, и как оный архиерей упал наземь, и оный же Лабза говорил: «На небе-де ты уж, архиерей божий». И, взявши его, положил к себе на плеча, и дошел к Спасским воротам, и на тех воротах в стену вбил железный гвоздь, и повесил того архиерея в той суме, и написал на той суме: «Деревенской Шибарша». И возле той сумы поставил дубину, и на той же суме написал же: «Кто-де в этой ворота поедет и на той суме подпись увидит, да ежели трижды по суме не ударит, и тот буди проклят отныне и довеку!»

И поутру царь Иван Васильевич, поехавши к заутрене, увидел на той суме тою подпись, и взял дубину, и стал по суме бить, и говорил: «Я-де не хочу в проклятии быть». И которые за ним люди ни были, то также били; и царь Иван Васильевич, отслушавши заутреню, и поехал во дворец домой, и архиерей услышал, что царь Иван Васильевич едет и возмолится: «Батюшко-царь Иван Васильевич, помилуй!» И царь Иван Васильевич спросил: «Кто-де есть в суме?» И он сказал ему: «Я-де архиерей». И царь Иван Васильевич говорил же: «Зачем-де ты сюды зашел?» И он сказал ему: «Приходил-де ангел с неба и сказал-де то, что велено меня на небеса к богу взять, и я-де спросил его: умолил-де я что ли, и он-де мне сказал, что умолил, архиерей божий, и я-де его спросил: как-де ты меня понесешь на небеси, и он-де мне сказал: садись в эту суму, и понес-де меня, я-де теперь не знаю где». И царь Иван Васильевич сказал ему: «Ты-де теперь в суме-та, на Спасских воротех висишь». И он возмолился ему: «Помилуй-де меня, батюшко царь Иван Васильевич!» И он его из сумы выпустил, и посадил в коляску, и послал его домой, и он домой приехал, и, пожив дома три дня, умре.